

Книги
ДОНАТО КАРРИЗИ

Цикл о Миле Васкес

Подсказчик

Теория зла

Девушка в лабиринте

Игра Подсказчика

•

Цикл о Маркусе и Сандре

Потерянные девушки Рима

Охотник за тенью

Маэстро теней

•

Цикл о Пьетро Джербере

Дом голосов

Дом без воспоминаний

Дом огней

•

Женщина с бумажными цветами

Девушка в тумане

Я — бездна

Воспитание бабочек

Донатто
КАРРИЗИ

ВОСПИТАНИЕ
БАБОЧЕК

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
К 26

Donato Carrisi
L'EDUCAZIONE DELLE FARFALLE
Copyright © Donato Carrisi, 2023
All rights reserved

Перевод с итальянского Любови Карцивадзе

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-26430-4

© Л. А. Карцивадзе, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Деревянный дом горит в ночи, словно маленький вулкан, извергающийся в центре долины.

Яркие языки поднимаются в черное небо среди безмятежных гор. Пламя поражает свирепой красотой. Окрашивая белый снег красным, оно навсегда лишает пейзаж чистоты и невинности. Кто-то освободил его из тайной тюрьмы, и теперь оно силой возвращает себе законное место среди природы. Чтобы продемонстрировать свою мощь, пламя избрало этот деревянный дом, который уже гибнет в пожаре, не в силах ему противостоять.

В величественной тишине слышен лишь рев огня.

Когда колокола альпийской деревеньки начинают звонить, призывая спасателей, трехэтажное здание со скатной крышей уже полностью охвачено пылкими объятиями. Подобно пойманной, но еще живой добыче, дом время от времени пытается вырваться из лап пожирающего его хищника, но все его усилия тщетны.

С разных сторон доносятся взволнованные голоса. Пламя отвечает гневом, бросая вызов любому, кто посмеет вмешаться, чтобы его остановить. Людям не остается ничего иного, кроме как поддаться страху и зачарованно смотреть на это разрушительное зрелище. Оно было бы красиво, если бы не было так ужасно.

Посреди маленького ада — следы босых ножек на свежем снегу.

Озябшие девочки в ночных рубашках. Шестилетние девочки. Их, промокших под дождем из пожарных оросителей, собрали на безопасном расстоянии. На лицах маски из

сажи, исполосованные слезами, в волосах — странные серебряные нити. Маленькие феи вокруг огромного ритуального костра. Дыхание превращается в пар на ночном морозе. Широко распахнутые глаза. Девочки жмутся друг к другу, напуганные, но невредимые.

Девочки не одни. С ними три воспитательницы, ответственные за их благополучие и безопасность.

Вот-вот начнется последний день каникул в прелестном местечке, где дети учились кататься на лыжах и коньках, спускались со склонов на санках, проводили дни за игрой в «Монополию», «Pictionary»¹ или «Веселую анатомию», а вечерами потягивали горячий шоколад, слушая сказки на ночь перед большим камином. Еще несколько часов — и юные гости вернулись бы к семьям: все с красивым смуглым румянцем и уймой рассказов о своих чудесных впечатлениях.

Но теперь, вернувшись, они уже не будут прежними.

Сегодняшняя ночь отравит все воспоминания об этой неделе. Каждое из них провоняет дымом и теплой мочой, стекающей между ног. Оно будет звучать, как смех преследующего их огня. И на вкус будет горьким, как страх. Этот вкус затаится глубоко в памяти девочек и даже во взрослом возрасте снова будет возникать у них во рту каждый раз, когда чутье укажет им на опасность.

Прогнать из глаз всполохи пламени будет непросто и трем воспитательницам. Сейчас двум из них не удастся даже моргнуть. Третья же продолжает метаться от одной девочки к другой. Она считает их вполголоса. А потом пересчитывает снова. Для верности. Еще не думая об именах. С именами легче ошибиться. Поэтому, чтобы не запутаться, она присваивает им номера. Первая, вторая, третья и так далее. Она переходит от одной девочки к другой, кладя руку каждой на голову, будто заново их крестит.

¹ «Pictionary» — командная лексическая игра, в которой игроки должны угадать слова, нарисованные командой противника. — *Здесь и далее примеч. перев.*

В глубине души женщина не перестает надеяться, что итоговое число изменится. Но оно прежнее, снова и снова. И она отважно начинает счет заново.

«Их *не всего* одиннадцать, их *не всего* одиннадцать», — повторяет она про себя, даже не глядя им в лицо, чтобы не пришлось узнать, кто они.

Если бы она это сделала, ей пришлось бы подумать и об имени отсутствующей. Двенадцатой.

А она пока не хочет знать это имя. Она еще не готова. Поэтому она упорно продолжает пересчет. Но, полагаясь на математику, сложно ошибиться.

Воспитательница, ведущая подсчет, поворачивается спиной к дому, который за это время полностью исчез в пламени. Она не может этого знать, но уже не видно даже конька крыши. Эта женщина, стоящая среди зевак и спасателей, — единственная, кого не заворожило огненное шоу.

Ей не хватает смелости взглянуть на него.

Но внезапно ее заставляет обернуться зловещий шум. Жуткий, неожиданный, горестный рев, подобный последнему стону поверженного великана.

И в одно мгновение все рушится.

Дома в горах больше нет, его словно поглотили раскаленные недра земли. На прощание разрушительный огонь дарит своим зрителям последнее ужасающее чудо. В звездное небо поднимаются мириады золотистых искр.

1

Стеклянный город походил на мираж среди широкой равнины. Таким она увидела его из иллюминатора самолета, когда прибыла туда впервые. Хрустальные башни, дрожащие в разреженном воздухе. Блики солнца на стали. Небо, отражающееся в зданиях.

С той секунды Серена привыкла представлять себе город, где решила поселиться, именно так: Милан — огромный зеркальный собор.

Она переехала туда, едва получив магистерскую степень в области корпоративных финансов в международной школе бизнеса Хальта. Лондон никогда не казался ей подходящим местом для жизни и, пожалуй, был слишком очевидным выбором для брокера. Но Милан пришелся Серене как раз по душе.

Ее место было на высоте. И она никогда больше не собиралась спускаться на землю. Город в облаках стал идеальной аллегорией ее амбиций.

Ее офис находился на двадцать третьем этаже одного небоскреба, а квартира — на девятнадцатом этаже другого. Вид оттуда открывался изумительный, но мало того: ритм жизни в городе в облаках стремителен, а значит, приходилось всегда быть в курсе событий, причем не только в мире бизнеса. Иначе она рисковала безнадежно отстать и оказаться не у дел.

Обычно Серена спускалась на улицу только для того, чтобы прогуляться, пройтись по бутикам Квадрилатеро¹, попробовать экспериментальную кухню в очередном новом

¹ *Квадрилатеро* — район в Милане, где располагаются магазины дорогой брендовой одежды и предметов роскоши.

ресторане, выпить в одном из модных заведений или посетить театр «Ла Скала». Обитатели города в облаках были беспечны и сознавали собственное легкомыслие. Тот, кто не отличается легкостью, не может летать. Живя, как языческие божества, они распрощались с духовностью. Их гуру были шеф-повара и бармены, а единственными советчиками — личные тренеры. Избавившись от идеи вечной жизни, они получили взамен обещание немедленного, гарантированного удовольствия — эфемерное счастье, за которое им не приходилось чувствовать себя ни обязанными, ни виноватыми.

До того июньского дня этот идеальный образ жизни и поведения разделяла и Серена. Но теперь все ее опоры грозили рухнуть. Сейчас все казалось несовершенным или, во всяком случае, неприемлемым для нее.

Начиная с этого стерильного процедурного кабинета.

Неправдоподобная голубизна стен, которые ее окружали. Плакаты с безликими пейзажами, развешенные на них без какой-либо эстетической подоплеки, просто чтобы заполнить пустоту. Неоновая люстра, висевшая над ее головой и горевшая даже днем. Койка, на которой она сидела, свесив ноги. Шероховатая бумага, покрывающая поверхность под ее ягодицами. Тощие ступни, которые она засунула в нелепые розовые пластиковые тапочки, такие большие, что пальцы торчали наружу, и, казалось, эти шлепанцы вот-вот один за другим свалятся на застеленный линолеумом пол. Дурацкая сорочка в цветочек, которую ей выдали в обмен на ее дизайнерскую одежду.

Все явно было неправильно. А может, это она, Серена, не на своем месте. Возможно, ей попросту не следовало здесь находиться. Да, так и есть.

Но самой непростительной ошибкой в этом чужом месте было окно, выходившее во внутренний двор. Там стояли мусорные баки многоквартирного дома, рядом — двигатели систем кондиционирования, соединенные с металлическим трубопроводом, который поднимался до самой крыши и не-

умолчно шумел, якобы незаметно, но пронзительно и невыносимо. За единственным ограждением виднелся поток машин и прохожих.

Серене все это было в новинку. Лица людей, идущих по улице или садящихся в трамвай, их несуразная одежда, повадки, то, как они взаимодействовали друг с другом. Казалось, они из другого времени, с другой планеты.

Даже соседние квартиры, которые виднелись в окнах, и те выглядели странно. Пустые жилища, тихо и неподвижно ожидавшие возвращения хозяев, были обставлены предметами, которые она бы ни за что не купила. Однако, как ни удивительно, кто-то их приобрел. Светильник с портретом Мэрилин Монро. Мебель в стиле «шебби-шик»¹. Зверушки из искусственного хрусталя. Эти вещи — не просто ширпотреб. Они объективно безобразны. И свидетельствовали не просто о неудачном выборе или дурном вкусе.

За каждой из них скрывалась целая череда неверных жизненных решений.

На одной кухне суетилась молодая женщина — вполне вероятно, ровесница Серены. Одного этого было достаточно, чтобы до некоторой степени отождествить ее с собой. Сам факт, что эта женщина хлопотала по дому, вместо того чтобы быть на работе, привел Серену в ужас. А может, именно в этом и заключалась ее работа. И она проводила время в чужом доме. Эта мысль тоже была неприятной.

«Что я здесь делаю?» — спрашивала себя Серена. Она поняла, что никогда не останавливалась, чтобы понаблюдать за городом снизу. Ей это не нравилось, она хотела вернуться на уровень, который ей соответствовал. Уровень, с высоты которого другие люди в окне казались ничтожно маленькими.

Вместо этого Серена торчала здесь уже несколько часов, полуголая и во власти незнакомых врачей, которые подвергли ее целой череде более или менее инвазивных обследований, задавали все более и более неловкие вопросы. А те-

¹ Потертый шик (*искаж. англ.*).

перь, когда пытки и допросы вроде бы наконец завершились, врач бросила ее в этой комнатухе, пообещав вскоре вернуться с ответами.

Между тем «скоро» превратилось в сорок пять бесконечно долгих минут.

Серене хотелось писать, и, что еще хуже, у нее не было с собой смартфона. Мобильник помог бы ей скоротать время, но он лежал в сумке, которую она оставила в раздевалке вместе с одеждой. Она не попросила, чтобы ей вернули телефон по окончании обследования, поскольку даже представить себе не могла, что ожидание ответа продлится так долго и превзойдет пределы ее терпения. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, она вынужденно оглядывалась по сторонам и смотрела в проклятое окно, исследуя мир, к которому не принадлежала.

А виной всему — чертово несварение желудка.

Расстройство началось две недели назад. Когда посреди ужина в мишленовском этническом ресторане ей пришлось вскочить из-за стола и выбежать в туалет, чтобы извергнуть наружу целую тарелку куранто¹. Затем она поклялась себе, что никогда больше не будет есть мясо и морепродукты, смешанные в одном блюде. С того времени тошнота, сопровождавшаяся желудочными спазмами и головокружением, не покидала ее. Серена питалась пищевыми добавками, крекерами и хлебцами. Однако иной раз ей не удавалось проглотить вообще ничего.

Она возглавляла стратегический отдел высокорисковых и высокоприбыльных инвестиций в инвестиционном банке и стала такой же неприлично богатой, как и ее клиенты. В финансовых кругах ее называли белокурой акулой, уважали и боялись. Но, как правило, белокурые акулы не могут позволить себе ни малейшей слабости. К тому же приближался конец первого полугодия, и Серене нужно было сформировать новый портфель ценных бумаг и перераспреде-

¹ *Куранто* — традиционное чилийское блюдо из моллюсков, мяса и овощей.

лить бюджет. Короче говоря, самая напряженная пора в году была в разгаре, и она не могла облажаться.

Опасаясь повторения той же досадной ситуации, что и тем вечером в ресторане, она выстроила свой график таким образом, чтобы встречи с клиентами или подчиненными длились не дольше получаса. Но этого было недостаточно. Она уже дважды откладывала командировку во Франкфурт и выходные на Форментере, отменяла занятия пилатесом и пропускала ежедневные двухчасовые тренировки в спортзале. Вынужденная диета, в которой она совершенно не нуждалась, отрицательно сказывалась на ее мышцах, особенно на плоском животе. Но когда она пыталась есть белковую пищу, организм отвергал ее, будто яд.

Мало того, Серена либо вообще не могла заснуть, либо с трудом просыпалась по утрам. Она теперь выглядела изможденнее и, чтобы скрыть это, прибегала к такому количеству макияжа, которое ей, всегда гордившейся своей сияющей от природы кожей, казалось невообразимым. Из рта плохо пахло, даже ногти слоились. Светлые волосы потеряли объем и выпадали сильнее обычного.

Заподозрив у себя какую-то неизлечимую болезнь, Серена наконец решила обратиться к тем, кто мог бы определить причину ее недуга. У нее не было никакого плана действий на случай, если диагноз действительно окажется смертельным, что было странно для такого человека, как она, который привык все контролировать.

Положиться на семью Серена не могла. Отношения с отцом и матерью она давным-давно почти не поддерживала. Она была единственным ребенком, и ее родители развелись. Впоследствии оба вступили в новые браки, и она никогда не общалась с младшими братьями. Других контактов, у нее по сути, не было.

Что до друзей, то их было немного, и те тщательно отобранные. Эти связи строились специально для того, чтобы делиться приятными впечатлениями, не чувствуя себя обязанными делать то же самое в отношении неприятных. По-

этому она не могла бы винить друзей, если бы те не пожелали возиться с ее смертельной болезнью. В соответствии с негласным договором ее на их месте тоже избавили бы от любых моральных обязательств.

На данном этапе Серена не жалела, что не обзавелась ни мужем, ни детьми. В тридцать лет мысль завести семью была ей чужда, и наверняка все осталось бы так и в пятьдесят. Ее образ жизни был тем, чего она желала, к чему стремилась и решительно планировала. Даже ее необыкновенная красота требовала стольких усилий, что никто не мог счесть ее несправедливым преимуществом. Ее кредо всегда была сдержанность. Со своим умом и упорством она никогда не нуждалась в поиске легких путей.

Но сейчас, когда ее волосы были собраны в хвост резинкой, а руки почти час теребили бумажный платок, уже изорванный в клочки, Серена испытывала огромную жалость к себе. Жалость и дискомфорт. Ее мочевой пузырь, казалось, грозил лопнуть, и, хотя кондиционеры в процедурном кабинете были настроены на поддержание стабильной температуры в двадцать три градуса, ей было холодно.

Она твердила себе, что это просто «чертово несварение». Одно из тех пищевых отравлений, которые могут длиться неделями, прежде чем организм полностью очистится. Но отдаленная часть ее разума не могла не задаваться вопросом, что же на самом деле таит в себе ее идеальное на вид тело. Нежеланного гостя с одним из тех сложных названий, которые знают только врачи. Когда слышишь его впервые, понимаешь, что вскоре оно станет хорошо знакомо и тебе. Подобно родственнику со стороны мужа — действует на нервы, но приходится его терпеть, хотя он не кровь от твоей крови.

Серена старалась отогнать мрачные мысли. Вот почему она упорно смотрела в окно. Возможно, ей следовало бы позавидовать женщине, занятой домашними хлопотами на кухне в квартире по ту сторону двора. Но, как бы она ни пыталась, она не могла силой вызвать у себя желание оказаться на ее месте.

«К черту домохозяйек и матерей семейств. К черту женушек. К черту тех, кто довольствуется только одним мужчиной. К черту тех, кто *дает* только затем, чтобы почувствовать себя желанными. К черту тех, кто довольствуется малым».

Серена ругалась про себя в тишине, ставшей настолько тягостной, что выдерживать ожидание стало невозможно, и тут дверь открылась: врач не потрудилась постучать.

Закрыв за собой дверь, она подошла к кушетке, прижимая к груди папку. Вытащив оттуда первый лист, она протянула его Серене.

— Вот результаты обследования, — объявила она.

Серена с напускной невозмутимостью взяла листок бумаги, но ее рука слегка дрожала. Затем она прочла, что там написано. И впала в ступор. Все ее домыслы и предположения оказались ошибочными.

— Вы точно уверены? — спросила она с совсем иным ужасом в голосе.

Врач взглянула на Серену так, словно та только что чертыхнулась в церкви.

— Да, — удивленно, но втайне забавляясь подтвердила она.

Серена инстинктивно положила руки на живот, но ей не хватило смелости опустить взгляд на свой рельефный пресс, в данный момент скрытый под нелепой сорочкой в цветочек.

Врач сочла своим долгом добавить маленькую уточняющую подробность:

— Иногда явные признаки отсутствуют вплоть до четвертого месяца.

На обратном пути в свой офис в верхнем городе, пока нижний город проносился за окном такси, Серена вспоминала сюрреалистический диалог с врачом, который последовал за новостью о ее беременности.

— Итак, что мы можем сделать? — тут же спросила она, намекая этим множественным числом, что не примет ответ, не предполагающий решения. В тоне вопроса слышалась завуалированная угроза, как будто Серена считала врача в полной мере виновной в происходящем только потому, что та ей о нем сообщила.

Женщина снисходительно улыбнулась, вероятно заметив, что глаза Серены расширились от ужаса:

— В отсутствие реальной опасности для физического или психического здоровья матери закон запрещает проводить искусственное прерывание беременности при сроке более девяноста дней, что соответствует двенадцати неделям и шести дням.

— Ну вы же только что сказали, что я еще не на четвертом месяце, — с надеждой возразила Серена.

Улыбка врача сменилась сочувственной гримасой:

— Вы превысили установленный законом срок на пару недель.

«Аккурат период моего желудочного расстройства», — подсчитала Серена, приспустив окно такси. Маленькое существо, плавающее у нее внутри, словно предвидя ее реакцию на эту новость, затаилось на время, необходимое, чтобы преодолеть назначенный законом порог. Оказавшись вне

опасности, оно решило заявить о своем присутствии самым жестоким образом. «Оно хорошо меня знает и даже владеет азами права», — сказала себе Серена, думая, что списывать это совпадение на случайность значило бы слишком сильно преуменьшить собственную проницательность. Доказательством служило то, что, как только она узнала о беременности, тошнота мгновенно прекратилась.

Плоду больше не требовалось привлекать к себе внимание.

У Серены вырвалась веселая усмешка. Но она почти сразу же ее подавила. Она не собиралась свыкаться с мыслью о том, что в животе у нее живет другой человек.

Как ни странно, до сих пор она не задавалась вопросом, как он туда попал.

Прежде всего: когда это произошло? Надо было спросить у врача, но Серене внезапно нестерпимо захотелось скорее снять сорочку в цветочек и спешно покинуть процедурный кабинет.

— Сходите к своему гинекологу, чтобы встать на учет, — порекомендовала напоследок врач, когда Серена шагнула за порог стерильной комнатухи в поисках раздевалки с одеждой.

Ее гинеколог была последним человеком, к которому она стала бы обращаться, учитывая, что спираль, которая должна была уберечь ее от подобных проблем, не сработала. Мало того, из-за прогестерона в противозачаточном средстве у нее прекратились менструации, лишив ее драгоценного тревожного звоночка.

«Я забеременела между январем и февралем», — сказала себе Серена, самостоятельно разгадав загадку времени. После чего стало возможным ответить на второй вопрос, пришедший ей в голову. Сообразить, где это произошло, оказалось просто: на Бали, во время недельного отпуска с четырьмя подругами на курорте «Булгари резорт». Они ни в чем себе не отказывали в эти семь дней, почти целиком проведенных то на пляже, то на вечеринках, то на пляжных вечеринках.

«Где» и «когда» определены — оставалось установить, «кто». Задача посложнее. Что-то в ней сопротивлялось мысли называть этого человека «отец», поскольку тогда ей пришлось бы считать себя «матерью».

Соучастником мог быть серфер с пляжа Пандава. Длинные волосы, голубые глаза. Вся его одежда состояла из саронга, повязанного вокруг талии, и кораллового ожерелья. Широкие плечи и потрясающий пресс. Татуировка: дракон на правой икре.

Серена заметила его у большого костра, когда садилось солнце.

Он тоже смотрел на нее. Какое-то время они пожирали друг друга глазами, а потом, пока оркестр гамелан¹ заставлял присутствующих танцевать вокруг костра под звуки мистической мелодии, отделились от маленького племени и молча, рука об руку, побрели вдоль берега. Когда они поняли, что отошли достаточно далеко от ритма барабанов и ксилофонов, он уложил ее на песок и под покровом звездной ночи снял с нее белое льняное платье, развязал свой саронг и забрался на нее сверху. Серена еще помнила тепло его загорелого тела, соленый вкус его кожи и воздух, наполненный запахами леса. Она предоставила инициативу ему, и он сделал с ней все, что хотел. Достигнув желаемого, она встала и без единого слова вернулась на вечеринку в одиночестве.

Ей не понадобилось даже его имя.

Или это был блондин-норвежец в нелепой рубашке с большими золотыми орхидеями. С ним все было иначе, потому что до близости они даже поболтали. Они познакомились в баре в заливе Беноа. Серена помнила, что назвалась вымышленным именем, и, вероятно, он сделал то же самое, так как в начале вечера представился Кевином, а потом стал Карлом. Для искренности не было причин, поскольку оба знали, что после того вечера больше не увидятся.

¹ *Гамелан* — традиционный индонезийский оркестр, основу которого составляют ударные инструменты.

Этот секс должен был стать приятным сувениром на память, о котором можно было бы фантазировать и тем самым утешать себя, когда настанет зима жизни.

Чтобы обеспечить себе алкогольное алиби, они пили арак с фруктовым соком. Норвежец нес что-то о работе программиста и стартапе, который он только что продал за несколько миллионов. Серена притворялась, будто ей интересно, а потом, почувствовав себя достаточно раскованной, взяла его руку и сунула себе между ног.

Номер в отеле неподалеку. Свет и уличный шум, проникавшие сквозь бамбуковые жалюзи. Лопастей вентилятора, лениво вращавшиеся на потолке, смешивая горячий воздух с ароматами специй и различных блюд и выхлопными газами проезжающих машин.

На рассвете они попрощались без сожалений.

Третьим в балийском списке был пятидесятилетний мужчина, которого Серена встретила за день до возвращения в Милан, — он отдыхал на том же курорте в одиночестве. Ни жены, ни девушки, ни друзей. Превосходные манеры и слегка восточная внешность; сказал, что его зовут Нил, — и больше ничего. Торговец ювелирными изделиями, он прилетел, чтобы доставить важному клиенту какую-то уникальную драгоценность, но затем решил задержаться и позволить себе небольшой отпуск. Нил безупречно говорил по-английски и по-французски, но ей не удалось определить, откуда он родом. Они познакомились днем на пляже — оказались на соседних шезлонгах. Серена не помнила, как завязалась беседа, но они почти сразу заговорили о том, что, по странному совпадению, все местные сотрудники курорта, как мужчины, так и женщины, носили одни и те же несколько имен. Нил вежливо объяснил, что на Бали детям дают имена в соответствии с порядком рождения. Первенца называют Вайан, второго ребенка — Маде, третьего — Ньоман, четвертого — Кетут. А если в семье рождается больше четырех детей, цикл повторяется с добавлением второго имени — Балик, что означает «еще один». Таким образом, Вайан Балик — это

«еще один или еще одна Вайан». Точно так же появляются «еще один или еще одна Маде», Ньоман Балик или Кетут Балик.

Серена почувствовала себя неловко в роли типичной туристки, которая почти ничего не знает о культуре принимающей страны. Он мгновенно избавил ее от смущения, переводя тему на чтение: Серена взяла с собой на пляж романы Мартина Эмиса и Орианы Фаллачи и, как обычно, в зависимости от настроения переключалась с одного на другой. Нила позабавила эта ее привычка. Они провели вместе целый день, делясь литературными предпочтениями и музыкальными вкусами. Во время полового акта он был внимательным и чутким — качества, редко встречавшиеся у мужчин, с которыми Серена имела дело прежде. Попрощался Нил, как настоящий джентльмен, и во избежание смущенных взглядов не появился вечером на общем ужине. Но в день отъезда кто-то оставил для нее на стойке регистрации книгу Гиллиан Флинн.

Теперь, сидя в такси, застрявшем в миланской пробке, Серена невольно задумалась, не он ли избранник судьбы. Возможно, неспроста они, едва познакомившись, заговорили об именах и детях?

Прелесть отпусков заключается в том, что их можно оставить позади и спланировать следующие. Но Серена подозревала, что теперь ее представление об отдыхе изменится навсегда. Следующая развлекательная поездка пройдет под гнетом воспоминаний об этом опыте.

Она еще раз перебрала в памяти образы троих полунезнакомцев, которые вошли в ее жизнь и ушли из нее со скоростью хорошего перепихона. Один из них никогда не узнает, что он отец непрощеного гостя в ее лоне, продолжит жить своей жизнью в блаженном неведении без каких-либо предчувствий и тревог. И когда-нибудь умрет без малейших угрызений совести.

Если бы пришлось угадывать, кому из троих приписать эту честь, Серена не смогла бы выбрать. Будь то голубогла-

Карризи Д.

К 26 Воспитание бабочек : роман / Донато Карризи ; пер. с ит. Л. Карцивадзе. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-26430-4

«Деревянный дом горит в ночи, словно маленький вулкан, извергающийся в центре долины. Яркие языки поднимаются в черное небо среди безмятежных гор... И в одно мгновение все рушится».

Рушится шале, неизвестно почему запылавшее среди ночи. Рушится жизнь одной из женщин, отправивших своих дочерей на короткие зимние каникулы в этом шале.

Серена никогда не видела себя в роли матери — даже после того, как у нее родилась дочь. Серена — «белокурая акула», талантливая сотрудница инвестиционного банка, самостоятельная, независимая, и никто ей не указ. Но после этого ночного пожара ее жизнь, упорядоченная и благополучная, постепенно погружается в бездонный черный кошмар. Что такое материнский инстинкт? Как так вышло, что он сильнее всего на свете? И презрения окружающих, и отчаяния. И судьбы. И огня.

Донато Карризи — известный итальянский писатель, драматург и сценарист, в прошлом адвокат, специалист в области криминалистики и поведенческих наук, лауреат итальянской премии *Bancarella* (2009), французской премии *Prix SNCF du polar* (2011) и других, автор бестселлеров, переведенных на 40 с лишним языков и разошедшихся общим тиражом более 20 миллионов экземпляров. Его новый роман «Воспитание бабочек», только в Италии уже проданный тиражом более 220 тысяч экземпляров, — жуткая, гипнотическая история странствия одной женщины, отправившейся на поиски пропавшего ребенка. Бесконечное погружение в самые страшные, самые тайные закоулки человеческой души. Где живет любовь. Где гнездятся страхи. Где таятся чудовища.

Впервые на русском!

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДОНАТО КАРРИЗИ
ВОСПИТАНИЕ БАБОЧЕК

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Марина Козлова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Людмила Дубовая, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.11.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 18 000 экз.
Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-RBD-35414-01-R